

В.А. Ефремов

Номинации женщины в русском языке:

жена – женщина – баба – дама

Valerij A. Efremov

The nomination of a woman in the Russian language:

wife – woman – baba – dame

Названия людей по полу и возрасту относятся к наиболее древнему пласту лексики любого языка. Более того, разнообразные исторические, экономические и культурные изменения общественной жизни, неминуемо отражающиеся в многочисленных трансформациях языка, на наш взгляд, особенно явно эксплицируются в семантических и прагматических модификациях тех слов, которые обозначают базовые концепты любой культуры, например, «мужчина», «женщина», «ребенок» и т.д. Данная статья посвящена анализу трансформаций наиболее частотных лексем, обозначающих в русском языке концепт «женщина» (*жена, женщина, баба, дама*), то есть тех слов, которые выражают представление о женщине вне ее этнической, религиозной, классовой или профессиональной принадлежности.

В «Русском семантическом словаре» в кластере «Названия лиц» самая общая группа номинаций «По полу, а также по полу и возрасту» включает в себя 53 существительных (1: 325-329). По данным этого лексикографического источника, в современном русском языке для наиболее общего обозначения женщины используется 31 слово. Однако в эту группу входит весьма неоднородная лексика: от устаревшей (*дева, девица, отроковица*) до диалектной (*молодайка, дивчина*). К собственно литературным, не связанным никакими хронологическими, стилистическими или территориальными ограничениями, относятся только 8 лексем: *бабушка 2, дама, девочка 1, 2, девушка 1, женщина 1, старуха, тетья 2*. Особо стоит отметить, что историческая перспектива изучения вербализаторов концепта «женщина» неминуемо предполагает включение в поле анализа и номинации *баба*, хотя современные толковые словари однозначно выводят ее за пределы литературного языка.

Одной из важнейших этнолингвистических особенностей представления о женщине в русской концептосфере является наличие своего рода дублетности номинаций. Ядро концепта «женщина» вербализуется на разных этапах истории русского языка по-разному: в древнерусский период парой *жена – баба*, XVI–XVIII вв. – *женщина – баба*, в XVIII–середина XIX вв. *дама – баба*, в XX в. парой *женщина – баба* (ср. во многом аналогичные соотношения в треугольнике *муж – мужчина – мужик*). Однако принципы противопоставленности этих вербализаторов на разных этапах развития языка были различны. Более того, нельзя не отметить, что в современном русском языке происходит значительная редукция семантических и прагматических различий между ранее жестко противопоставленными по социально-прагматическим характеристикам номинациями *женщина* и *баба*.

Этимология слова *жена*, в отличие от ядерной для противоположного концепта номинации *муж*, в общеславянском языке не очень прозрачна (2: 105-110). Наиболее вероятным считается возведение общеславянского корня *žen-, обозначающего лицо женского пола детородного возраста, к индоевропейскому *gēn-, глубинная семантика которого связана с идеей рода и его продолжения (лат. *genus* – ‘просхождение’, ‘род’; греч. *γυνή* – ‘жена’, *γυνήα* – ‘рождение’; ‘род’, *γυνή* ‘относящийся к происхождению’; др.-инд. *janīh* – ‘женщина’, ‘жена’ (3, т.2: 46; 4: 299). От общеславянского корня *жен-* образовались русские лексемы разных периодов существования языка, которые можно объединить в две группы:

(1) синонимический ряд собственно номинации *женщина* (‘лицо женского пола детородного возраста’): *жена* (‘женщина’; ‘жена, супруга’), *женима* (др.-рус. ‘наложница’, ‘сожительница’), *женшко*, -а (др.-рус. уничтожит. к *жена*), *жёнка* (др.-рус.

‘женщина’; ‘наложница, любовница’; ‘женщина из простого народа’; ‘холопка, крепостная’), *жёночка* (уменьш. к *жёнка*), *женство* (др.-рус. ‘женский пол’; ‘брачное состояние’), *жёнущка* (ласк. к *жена*);

(2) обширное гнездо однокоренных слов: *женатый*, *женение* (др.-рус. действие по глаголу *женити*), *женимичищъ*, или *женимищъ* (др.-рус. ‘сын наложницы’), *женитва* (‘женитьба, брак’; ‘свадьба’), *женити(ся)*, *женитьба*, *женех*, *женовидный*, *женообразный*, *женолюбец*, *женский*, *женственный*, *женственность*, *женствовати* (‘быть женой’) и др. (5: 87-90). Затемнение внутренней формы корня, однако, не свидетельствует о его забвении: современные когнитологи утверждают, что «несмотря на то, что этимологическое значение может стираться в активной памяти носителей языка, оно, по-видимому, не исчезает, но переходит в подсознание и продолжает играть определенную роль как «формирующая» часть семантики лексической единицы» (6: 6). По-видимому, именно с этим, древнейшим, пластом значения корня *жен-* связано бытующее до сих пор среди лексикографов сексистское и нетолерантное по сути своей определение *женщины*: «Лицо, противоположное мужчине по полу; та, которая становится матерью, рождает детей и кормит их грудью» (1: 327).

На протяжении нескольких веков номинация *жена* в русском, как и в ряде других славянских языков, обозначала любую женщину вне социальной, профессиональной или иной принадлежности. В семасиологическом плане слово *жена* эволюционировало так же, как и слово *муж*: значение ‘супруга’ в нем вторично и производно от значения ‘женщина’, хотя и обнаруживается уже в ранних памятниках письменности.

История слова *баба* такая же древняя, как и у слова *жена*; однако его стилистическая, семантическая и прагматическая судьба была во многом противоположной. Эта вторая ядерная номинация женщины обнаруживается уже в памятниках XIV вв. и этимологически восходит к так называемому caregiver’s language, или детскому языку (3, т.1: 99). Именно поэтому традиционно считается, что первоначальным значением слова *баба* было ‘мать отца или матери’, а остальные значения – результат вторичного переноса, в основании которого лежит либо простая метафора (‘слабый, нерешительный мужчина’), либо генерализация (‘бабушка’ > ‘старая женщина’ > ‘женщина вообще’). При этом следует отметить, что во всех славянских языках слово издавна имеет тенденцию к расширению значения и полисемии, и во многих славянских языках у него фиксируется значение ‘жена, замужняя женщина’. Однако исторические словари древнерусского языка приводят только три основных значения лексемы *баба*: «1. Женщина; 2. Бабушка (мать отца или матери); 3. Повивальная бабка» (7: 102).

На протяжении длительного времени в русском языке слово *баба* использовалось как полный синоним слова *жена* для обозначения женщины вообще. Интересно, что в работе «Эпическая поэзия» (1851) Ф.И. Буслаев при анализе мотива ведьмы в славянском фольклоре использует безоценочный синонимический ряд: «Замечательно, что *жена*, *баба*, *молодка* не называются уже красными (здесь и далее выделено мной. – В.Е.)».

Однако в XVIII в. ситуация меняется, и в литературном языке слово *баба* приобретает значение ‘простолюдинка’, что особенно хорошо представлено в словарной статье первого толкового словаря русского языка, «Словаря Академии Российской»:

БАБА Сл. 1) Мать отцова или материна. *Воспоминаніе приємля о суццѣ въ тебе нелицемерной вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду.* 2.Тим.І.5. 2) Повивальная бабка. *Рече Царь Египетскій бабамъ Еврейскимъ.* Исх. І.15.3) Пожилая женщина вообще.

БАБА, в общенародномъ употребленіи значить вообще женщину низкаго состоянія. *Баба крестьянская* (8: стлб. 65-66).

Примечателен тот факт, что составители словаря решили выделить значения слова в самостоятельные вокабулы, ориентируясь на стилистическую дифференциацию лексемы, – старославянизм и общеупотребительное слово. Однако даже в этом случае словарь не фиксирует никакой пейоративной окраски, более того, использование в качестве иллюстративного материала фрагментов религиозных текстов (дань эпохи, традициям и

концепции составления словаря) свидетельствует о стилистической нейтральности слова *баба*. Косвенным доказательством данного факта служит отсутствие помет *Въ простор.* или *Простонарод.*, маркирующих в «Словаре Академии...» стилистически сниженные слова (например, *авось*, *дрязгъ* и мн.др.).

Словарь В.И. Даля также не отмечает никаких отрицательных коннотаций лексемы *баба*, отражая тем самым сугубо номинативный характер данного слова, и описывает его как элемент патриархатной, крестьянской картины мира (см. выделенный комментарий Даля к третьему значению).

БАБА ж. замужня женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была *молодкою*, *молодицею*, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда, более употреб. умалит. *бабка*, *бабушка* и пр. || Жена; **крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою**, разве хозяйкою. || Повитуха, повивальная бабка, приемница; также более употреб. *бабка*, *бабушка*, *баушка* (9: 32).

Помету *бранн.* находим в другой части словарной статьи: ***Бабища, бабница*** *пск.*, ***бабно*** *ср. пск.* бранно, женщина большая, плотная, неуклюжая или дурная собой; злая, наглая, бранчивая и пр. Однако в данном случае, безусловно, следует говорить об отрицательной коннотации деривата, а не самого производящего слова.

Таким образом, можно утверждать, что если первоначально, в древнерусский период существования языка, номинации *жена* и *баба* совпадали в одном из значений и сосуществовали в качестве синонимов, то приблизительно с XVI-XVII вв. они начинают расходиться сначала семантически (окончательно – к XVIII в.), а потом и стилистически (в советскую эпоху).

Семантическое разграничение бинома *жена* – *баба* связано, по-видимому, с появлением третьего ядерного вербализатора концепта «женщина» – самой лексемы ***женщина***. Еще раз подчеркнем, что на протяжении длительного времени слово *жена*, как и слово *баба*, было нейтральной номинацией представительницы слабого пола. Однако с XVI в. памятники письменности фиксируют слово ***женщина*** (в другом орфографическом облике *женчина*), которое восходит к отвлеченному существительному *женьщина*, образованному от прилагательного *женьскъ* с помощью суффикса со значением собирательности *-щин(а)*: «*Женьщина* и поль. *-uzna*: а) свойство одной *женской* особи, причем *женьска* — существительное, как в вр. обл. (сиб.) «*женьски* идут», как в серб., чешск. *Ženská*; б) собирает. жен. р. /.../ в русск. и литер. *эта женщина* — от собирательного, следов коего в русск. впрочем не осталось» (10: 29).

Слово *женщина* достаточно быстро входит в широкое языковое употребление, и уже к концу XVIII в. происходит завершение стилистической и начало семантической (переход значения ‘женщина’ у слова *жена* в разряд архаизмов) дифференциации этих однокоренных лексем. Первое значение существительного *жена* в «Словаре Академии Российской» формулируется как: «1. То же, что ЖЕНЩИНА, но употребляется въ высокомъ стиле»; *женщина* определяется как «*Всякая, находящаяся или бывшая въ замужестве*» (8, т.2: стлб.1106).

По-видимому, такому стилистическому разграничению однокоренных слов способствовало и появление в начале XVIII в. в русской языковой картине мира заимствованного непосредственно из французского и через польский слова ***дама***. Интересно, что в наиболее ранней фиксации оно сопровождается толкованием через исконное слово: «Знатной фамилии *дама*, или госпожа», – пишет русский дипломат, служивший в 1705 - 1706 гг. в Париже (А.А. Матвеев. *Русский дипломат во Франции*). Одно из первых сугубо лингвистических наблюдений над различием (первоначально исключительно стилистическим) анализируемых лексем принадлежит известному славянофилу и реформатору языка А.С. Шишкову, который в «*Рассуждении о старом и новом слоге российского языка*» (1813) заметил: «*Милыя дамы*, или по нашему грубому языку *женщины*, барыни, барышни, редко бывают сочинительницами, и так пусть их говорят, как хотят» (цит. по: 11: 157).

В XIX в. заимствование *дама*, наряду с однокоренными *мадам*, *мадмуазель*, было вполне освоено русским языком и в определенных контекстах использовалось в качестве синонима к слову *женщина*. В контекстах, ориентированных на подчеркивание гендерной принадлежности, оба существительных выступали взаимозаменяемыми, если не предполагали указание на социальный статус женщины: «Жалуются на равнодушные русских *женщин* к нашей поэзии, полагая тому причиной незнание отечественного языка: но какая же *дама* не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского?» (А.С. Пушкин. Отрывки из писем, мысли и замечания).

Однако к середине XIX в. при употреблении слова *дама* все чаще актуализируется семантический компонент 'принадлежность к высшему обществу': «В саду почти никого нет; какой-то пожилой господин ходит проворно: очевидно, делает моцион для здоровья, да две ...не *дамы*, а *женщины*, няньки с двумя озябшими до синевы в лице, детьми» (И.А. Гончаров. Обломов); (*Полинька*;) «Уж коли выйти замуж, так чтобы быть *дамой*, как следует барыней...» (А.Н. Островский. Доходное место).

К концу XIX в. номинация *дама* стала обозначать исключительно женщину благородного происхождения или принадлежащую к состоятельному кругу в противовес незамужним девицам, с одной стороны, и женщинам из простонародья, бабам – с другой: «Все наши *дамы* и *бабы* обладают даром пророчества» (А.П. Чехов. Следователь).

Вот как описывается классическая русская дама в словаре устаревшей лексики:

ДАМА. В России до 1917 г. – женщина, принадлежавшая к привилегированным сословиям. Дама должна была отвечать определенным требованиям, условиям, например, дамы носили шляпу и перчатки даже в помещении, не выполняли хозяйственных работ (для этого держали прислугу), приличным занятием для дам считалось рукоделие, допустимым – варка варенья; из дома дамы выходили только в сопровождении мужа (или компаньонки, горничной, лакея) (12: 28).

Однако с середины XIX в. слово *дама* (и его производное *дамский*) стало все активнее вытесняться существительным *женщина*, что, по-видимому, было связано с тенденцией демократизации русского общества: во взаимодействии слов (и понятий) *дама* и *женщина* намечается идея нового противопоставления. Уже в 30-е гг. XIX в. оказывается актуальной оппозиция сущностных женских качеств и внешнего (не только социального) их проявления: «*Женщина*... ибо я не хочу назвать ее казенным словом «*дама*», этим несносным именем, добиваясь которого чиновницы часто уничтожают в себе всю свою природную женственность, – *женщина*, говорю я, была закрыта черной флеровой мантилей...» (А.А. Григорьев. Воспоминания).

Обусловленные не только акцентом на гендерном признаке, но и тем, что слово *женщина* в противоположность *даме* являлось знаковым для показания социального среднего и низшего статуса лица женского пола, появляются сочетания *женский вопрос* и *женская эмансипация*. В них прилагательное *женский* никак не заменяемо ни лексически, ни семантически словом *дамский* – оно становится социально значимыми, влияя на статус женщины в русском обществе в целом: «Не могу не упомянуть о благородных, честных воззрениях Белинского на *женщин* вообще, и в особенности на русских *женщин*, на их положение, на их будущность! на их неотъемлемые права, на недостаточность их воспитания, словом, на то, что теперь называют *женским вопросом*» (И.С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания).

Кроме того, на русской почве возникает и уменьшительное *дамочка*, которое очень быстро приобрело сниженно-иронический характер: «– Это вы про супругу-с? Интересная *дамочка*, – проговорил Тимофей Семеныч, видимо смягчаясь и с аппетитом нюхнув табаку. – Особа субтильная. И как полна, и головку всё так на бочок, на бочок... очень приятно-с» (Ф.М. Достоевский. Крокодил); «На диване, обитом малиновым бархатом, полулежит хорошенькая *дамочка*» (А.П. Чехов. Загадочная натура).

Русская языковая картина мира XX в. претерпевает значительные изменения, и вслед за ними словарь отображает, а в некоторых случаях и навязывает те изменения и

нововведения, которые появляются не только у идеологически значимых пластов лексики, но и у базовых концептов культуры.

В связи с этим особо показательны трансформация семантического и прагматического компонентов такого вербализатора концепта «женщина», как *баба*:

БА'БА' 1. В устах "господ" (прежде) и в крестьянском быту - замужняя крестьянка; *противоп.* девка. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура - баба или мужик. Ггль. Всех баб и девок согнали на барщину. Рядом дышит перепуганная баба, дочь толкается, топчут сыновья (описание избы). Бзмнскй. 2. Жена (простореч.). Без бабы остался, сам хозяйничает. 3. Вообще женщина (разг. вульг.). Вздорная б. Здоровенная б. У меня есть ум, и меня ценят бабы. М. Грькй. 4. *перен.* Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (разг. презрит.). Он такая баба, всякому в обиду дается (13: 73).

На новом этапе эволюции русского языка и его лексикографирования слово обрастает эмоционально-экспрессивными пометами (все значения, кроме первого, стилистически маркированы) и идеологическим компонентом, который декларируется вводом: *В устах "господ" (прежде)*. Первый толковый словарь русского языка советской эпохи фиксирует прагматический сдвиг в употреблении лексемы, который изменяет концептуальную значимость слова *баба*: от ядерного и равного по значимости одноименного вербализатора концепта «женщина» он сдвигается к периферии, сужая сферу употребления. Кроме того, можно отметить и семантическую редукцию фрагмента «культурной памяти» слова: в словарях XX в. уже не фиксируется значение 'повивальная бабка'. Подобная редуцированная подача слова в современных словарях может привести к коммуникативному сбою, связанному с образованием когнитивной лакуны: например, при чтении классической русской литературы, прежде всего, XIX в.

Остальные толковые словари XX в. продолжают традиции толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова, отражая и развивая тенденции «огрубления» слова и отчуждения его на периферию языковой картины мира. Так, показательна система словарных помет в последнем по времени публикации академическом словаре:

БАБА 1. *Прост.* Замужняя крестьянка. 2. *Прост.* Жена. 3. *Прост.* Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения). 4. *Перен. Прост. Пренебр.* О робком, нерешительном мужчине, юноше. 5. *Разг.* То же, что бабушка (в 1 и 2 знач.) (14: 323).

Однако в качестве наметившейся тенденции можно отметить своего рода частичную реабилитацию слова *баба* в современном русском языке как минимум в двух плоскостях. С одной стороны, в сознании диалектоносителей *баба* до сих пор продолжает использоваться как безоценочная, стилистически нейтральная номинация замужней женщины (ср. интереснейший иллюстративный материал к одноименной статье в (15: 40)). С другой стороны, в современной художественной литературе первого ряда слово *баба* все чаще используется с положительными коннотациями: «Мне, говорит, Николай сказал, что нигде, во всем белом свете не найду я *бабу* лучше и добрей, чем ты» (В.Г. Распутин. Женский разговор, 1994); «Обыкновенная русская *баба*, в меру ревнивая и бранчливая, в меру экономная и обиходная, годная, если нужда заставит, работать день и ночь на свой дом и семью» (В.П. Астафьев. Обертон, 1995-1996); иногда едва ли не в форме комплимента: «Потрясающая *баба* эта Ханнелоре» (Л.Е. Улицкая. Козья нога, 2005).

Слово *дама* («В буржуазно-дворянском обществе – женщина, по внешнему виду принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу» (13: 206) долгое время называло чуждый советской действительности тип женского поведения: «Из парка в парк каждый день под руку с веселым смехом, радостным восклицанием, с частыми остановками для поцелуев и всяких шалостей проходит на глазах всех пара – настоящий господин и настоящая *дама* в одежде столичного происхождения, с манерами того класса культурных людей, который объявлен теперь «вне закона» (М.М. Пришвин. Дневники, 1918).

Однако в последние 15-20 лет в связи с тенденцией возвращения ряда устаревших слов и понятий из пассивного запаса культурной памяти слово *дама* вновь стало употребительным, правда, почти исключительно в сфере речевого этикета: «**Дама**. В городском просторечии малоупотребительное (преимущественно женское) обращение к

незнакомой, интеллигентного вида женщине» (16: 125). Можно утверждать, что актуализировавшееся в последнее время в речи усредненной языковой личности (особенно женщин среднего возраста) слово *дама* не сохраняет то значение и понятийное наполнение, которое было присуще ему в XIX в.

Итак, анализ лингвистических и когнитивных сдвигов в структуре ядерных вербализаторов концепта «женщина» *баба* и *дама* позволяет прийти к выводу: в XX в. в русской языковой картине мира происходило снижение образа бабы (и – попутно отметим – мужика) как грубого, относящегося к реалиям либо деревенской (заведомо сниженной, ущербной), либо мещанской, «просторечной» реальности, а номинация *дама*, вытесненная на периферию языка по идеологическим представлениям, утратила прежнюю значимость в связи с отсутствием называемого объекта.

В целом, проведенный анализ исторических семантических, прагматических и стилистических трансформаций основных вербализаторов глубинных «квантов знания» концептосферы языка, к которым, безусловно, принадлежит концепт «женщина», позволяет эксплицировать облигаторную зависимость социокультурных изменений и изменений в языке и языковой картине мира.

Литература

1. Русский семантический словарь / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. М., 1998.
2. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. М., 1959.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. М., 2004.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. Т. 1. М., 1999.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов. Т.5. М., 1978.
6. Белявская Е.Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С.5-14.
7. Словарь древнерусского языка (IX - XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. I. М., 1988.
8. Словарь Академии Российской 1789 – 1794. Т.1 – 6. М., 2001 – 2007.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Т.1. М., 1995.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3. М., 1968.
11. Виноградов В.В. История слов. М., 1999.
12. Аркадьева Т.Г. и др. Словарь русских историзмов. М., 2005.
13. Толковый словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.1. М., 1935.
14. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб., 2004. Т.1.
15. Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О.И. Гордеева и др. Томск, 2006. Т.1.
16. Балакай А.И. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004.

Аннотация

Статья посвящена семантическим и прагматическим трансформациям основных номинаций женщины в истории русского языка. Анализ употреблений в текстах разных жанров и лексикографическое описание лексем *жена*, *женщина*, *баба* и *дама* позволяют эксплицировать сложную природу соотношения этих слов, имеющих общий денотативный компонент, но противопоставленных в разные периоды истории русского языка стилистически, прагматически или семантически. Трансформации этих лексем – закономерное следствие динамических процессов эволюции русской языковой картины мира в целом.

Ключевые слова: концепт «женщина» и его вербализаторы, языковая картина мира, история русского языка, семантические трансформации.

The article covers the matter of semantical and pragmatical transformations of basic woman's nominations in the history of the Russian language. The analysis of the textual usage and the lexicographical description of *wife*, *woman*, *baba* and *dame* permit to explicate complex nature of correlations of these words that have a common denotative component, but they are contrasted with in different periods of the Russian language history by means of stylistics, pragmatics and semantics. The transformations of these lexemes are a logical consequence of dynamic processes of the Russian worldview evolution.

Key words: concept 'woman' and its verbalizators, Russian language worldview, the history of the Russian language, semantical transformations.

Справка об авторе

1. Ефремов Валерий Анатольевич
2. Кафедра русского языка филологического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент, докторант
3. Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 52; служ. тел. (812) 323 80 03; факс (812) 323 30 19; e-mail: valef@mail.ru; дом. тел. (812) 701 62 06; моб. тел. 8 921 752 38 78